

DOI: 10.31857/S241377150009968-7

Постулаты лингвистики на службе речевой деятельности на русском языке

© 2020 г. И. Г. Милославский

Доктор филологических наук,
заслуженный профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
igormil@hotmail.com

Дата поступления материала в редакцию 22 марта 2020 г.

Дата публикации: 30 июня 2020 г.

Резюме. Автор рассматривает основные понятия лексикологии и грамматики, укоренившиеся в русистике, с точки зрения их ценности для обеспечения либо рецептивных, либо продуктивных речевых действий, либо и тех, и других. Утверждая, в частности, что лексическая и грамматическая многозначность исключительно важны для рецепции, но не для продукции, а синонимия, напротив, важна для продукции, но отнюдь не для рецепции, автор показывает, что уровневый подход к языку, эффективно обеспечивая рецептивные речевые действия, несостоятелен при обеспечении продуктивных речевых действий. При рассмотрении основных грамматических категорий русского языка в рецепции показана различная ценность этих характеристик при соотнесении их с действительностью. Обосновывается необходимость при продукции движения к грамматическим характеристикам либо от действительности, либо от собственно языковых характеристик. Автор утверждает слабость традиции в идеографическом изучении русского языка, а также необходимость этого подхода с учетом уже имеющихся в рамках семасиологического подхода классификаций и накопленного опыта в ответ на запросы общественной практики и на возможности, открываемые развитием информатики, а также с целью верификации общепринятых воззрений.

Ключевые слова: русский язык, рецептивная речевая деятельность, продуктивная речевая деятельность, сочетаемость, многозначность, омонимия, синонимия, антонимия, грамматические характеристики.

Для цитирования: Милославский И.Г. Постулаты лингвистики на службе речевой деятельности на русском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 13–23. DOI: 10.31857/S241377150009968-7.

The Postulates of Linguistics in the Service of Speech Activity in Russian

© 2020 Igor G. Miloslavskij

Doct. Sci. (Philol.),
Distinguished Professor at the Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russia
igormil@hotmail.com

Received by Editor on March 22, 2020

Date of publication June 30, 2020

Abstract. The author considers the basic concepts of lexicology and grammar, rooted in Russian studies, from the point of view of their value for providing either receptive or productive speech actions, or both. Claiming, in particular, that lexical and grammatical ambiguity are extremely important for reception, but not for production, and synonymy is, on the contrary, important for production, but not for reception, the author shows that a level approach to the language, effectively providing receptive speech actions, is insolvent in ensuring productive speech actions. The various values of the main grammatical categories of the Russian language are shown, when they correlate with reality during reception. It also substantiates the need for the production to move not directly to grammatical characteristics, but to move to them from reality, or from proper linguistic characteristics. The author also claims the weakness of the ideographic study tradition of the Russian language, as well as the need for this approach, taking into account the classifications and experience gained already in the framework of the semasiological approach in response to requests from public practice and to the opportunities offered by the development of computer science.

Key words: the Russian language, receptive speech activity, productive speech activity, compatibility, polysemy, homonymy, synonymy, antonymy, grammatical characteristics.

For citation: Miloslavskij, I.G. *Postulaty lingvistiki na sluzhbe rechevoj deyatelnosti na russkom yazyke* [The Postulates of Linguistics in the Service of Speech Activity in Russian]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 3, pp. 13–23 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009968-7.

Всякая область знания превращается из набора отдельных сведений, наблюдений, фактов, зависимостей и т.п. явлений в науку, когда/если эта область обретает некоторый каркас из числа взаимосвязанных постулатов, формирующих фундамент для других построений, возникающих на базе такого фундамента [1]. Как показывает опыт, например, биологии, неизменным предварительным этапом такого превращения набора сведений в научную область является этап классификации принадлежащих этой области феноменов [2]. Одновременно с этим происходят и попытки теоретического осмысления соответствующих явлений, создание более или менее общих и частных теорий, объясняющих (более или менее адекватно) “устройство” соответствующей области знания. Как известно, вопрос об общих основаниях, например, для математики или физики до сих пор остается обсуждаемым [3], хотя многие частные теории различных областей этих наук заведомо адекватны реальному “положению дел” в природе. Неоспоримое доказательство этой адекватности — успешное практическое применение соответствующих теоретических представлений в практической деятельности.

Лингвистика как область знаний о человеческих языках, живых и мертвых, естественных и искусственных, малых и чрезвычайно распространенных, продолжая проходить “классификационный” этап своего внутреннего

развития, уже выработала целый ряд некоторых собственных постулатов и частных теорий относительно сущности такого явления, как человеческий язык, относительно закономерностей его развития и внутреннего устройства. При этом, как представляется, остается теоретически недооцененным фундаментальный характер принципа разделения языка/речи, системы/деятельности, а также, в свою очередь, разделение речевой деятельности на рецептивную и продуктивную [4]; [5]; [6], каковое выступает как более существенное, чем разделение на устную и письменную. Последнее, претендуя на фундаментальность, сводится обычно к относительно простому соответствию весьма ограниченного числа противопоставлений звуков (фонем) их условному отображению в виде зримых объектов. В то же время, противопоставление рецептивных и продуктивных речевых действий — фундаментальная основа коммуникации. Ведь при рецепции дан текст на некотором языке, от деятеля требуется соотнести его с действительностью. При продукции деятель имеет некоторый замысел и должен создать текст на некотором языке, отражающий этот замысел. Стать грамотным (в традиционном смысле этого слова) можно, только опираясь на уже имеющиеся возможности понимать (с той или иной степенью глубины и точности) услышанное и выражать звуками (с большим или меньшим успехом) собственные интенции [7]. К сожалению, в нашей общественной (и особенно

школьной) традиции, хотя и обычно по умолчанию, умение читать (переводить письменные знаки в звуки), а также писать без грубых орфографических и пунктуационных ошибок выступает как явная или скрытая **цель** обучения родному языку, хотя это и вступает в явное противоречие, в частности, с обучением иностранным языкам [8]. В то же время, одни постулаты лингвистики имеют ценность для рецептивных речевых действий, другие — для продуктивных и только некоторые — для обоих.

I

1. Многозначность как проблема рецепции.

Очевидно, что многозначность как свойство большинства языковых знаков, никак формально не отграниченных от знаков, имеющих только единственное значение, представляет существенную трудность для рецептивной речевой деятельности. Именно многозначность требует преодолеть упрощенный взгляд на поиск значения целого словосочетания, предложения, высказывания, как на простое суммирование составляющих его частей (слов). Ведь каждое из слагаемых, представленное своей формой, устной или письменной, должно быть сначала непременно соотнесено с конкретным элементом отражаемой им действительности, а таких возможных фрагментов может быть и один, и несколько. При этом едва ли существенным является вопрос о том, близки ли между собой разные возможные значения (тогда по традиционным представлениям перед нами многозначность) или их соединение в одной форме — полная случайность (тогда речь идет об омонимах). Однако в любом случае речь идет о различных феноменах действительности, и задача реципиента сводится к установлению именно этого конкретного феномена в ряду других, хотя и возможных потенциально, но в данном случае не выступающих. И хотя задача выбора из “близких” возможностей несколько отличается от задачи выбора из возможностей “далеких”, но принципиально это одна и та же задача. Конечно, 9 и 8 ближе к 10, чем 1 или 2, но при этом и 9, и 8 не равны 10 точно так же, как и 1, и 2 не равны 10. А ведь задача реципиента состоит в том, чтобы установить точное соотношение между двумя сторонами знака.

Нельзя не отметить определенную наивность пометы “переносное”, обычно сопровождающей в толковых словарях некоторые из значений многозначного слова. Эта помета

являет собою попытку установления иерархии среди нескольких значений. И дело не только в том, что установление такой иерархии — вещь крайне субъективная. (Различное число значений и несовпадение их нумерации в различных толковых словарях — вещь совершенно очевидная.) Важнее другое — полное отсутствие запроса на сведения об иерархии значений у обычного реципиента, для которого важен лишь ответ на вопрос, что же обозначает данное слово именно здесь и сейчас. Как кажется, здесь обнаруживается, что составитель словаря забывает о нацеленности пользователя словаря на обеспечение рецептивных речевых действий (обычно — чтения), интуитивно покушаясь на некоторую характеристику отношений внутри лексической системы.

Итак, для реципиента (читателя/слушателя) преодоление многозначности представляет собою важную и актуальную задачу, без решения которой сам процесс понимания не может успешно осуществиться [9]. Традиционная апелляция к “контексту” как к фактору, способному устранить омонимию и многозначность, указывая принципиально верный путь, страдает, однако, обобщенностью. Реципиенту как бы предлагается перечень возможных ответов, а он сам должен каким-то образом решить, какой же именно ответ соответствует контекстуальному окружению. Однако на практике реципиент решает задачи в 1–2 хода, чтобы преодолеть многозначность. *Нашел я чудный кабачок* (“заведение” или “овощ”?). *Вино в нем стоит пятачок* (“заведение”) или *и поджарил его на ужин* (“овощ”).

Разумеется, производитель речи, движимый желанием оформить свои интенции, должен заботиться и об удобстве реципиента и из гуманистических, и из эгоистических побуждений (чтобы быть лучше понятым), а потому в порядке саморефлексии, становясь на позицию реципиента, может каким-то образом корректировать, уточнять результаты своей речевой деятельности. Однако кроме выроченных случаев, такая задача для производителя речи — факультативная, а часто и вовсе несуществующая.

2. Синонимия как проблема продукции.

Проблема выбора подходящего обозначения из синонимических (квазисинонимических) рядов является проблемой только для производителя речи. Конечно, теоретически и реципиент может сосредоточиться на том, чтобы подбирать синонимы к представленному

высказыванию и/или его частям, однако вряд ли можно настаивать на том, что такое занятие для успеха рецептивной деятельности является обязательным. Более того, подобное занятие, строго говоря, даже противопоказано цели рецептивной речевой деятельности, той цели, которая состоит в том, чтобы узнать о “положении дел” именно таким образом, как его обозначает говорящий/пишущий (сознательно или бессознательно). Реципиент должен узнать (и оценить?) свойства личности самого говорящего/пишущего, отраженные в его оценке сообщаемого, в его отношении к адресату, в проявлении его интеллекта, воспитанности, вкуса и т.п. Вопрос “А как сказать иначе?” по отношению к представленному речевому произведению, чтобы не восприниматься как праздный, должен непременно предваряться вопросом “А именно зачем иначе?”. И, как кажется, за явным исключением в вырожденных случаях (например, при составлении договоров и/или совместных коммюнике) не всегда может получить разумный ответ [10].

Очевидно, что ориентированный на активную речевую деятельность словарь синонимов непременно должен быть построен на идеографическом основании. Это неизбежное требование на практике часто претворяется в поиск “заглавного слова”, которое далее обрастает близкими (что это такое?) по значению словами, сопровождаемыми более или менее внятыми указаниями на те обретения и/или потери в значении этих слов по сравнению с исходным. Разумеется, здесь на первом месте стоит толкование, которое должно дать ответ на вопрос, по каким именно параметрам различаются члены ряда и каково конкретное наполнение того или иного параметра.

Не вдаваясь в значительной степени в технические вопросы построения самой словарной статьи и тем более не касаясь важнейшего вопроса о том, насколько адекватна организация такой статьи реальной продуктивной речевой деятельности продуцента, ищущего оптимальное языковое средство для выражения его интенции, обращусь к другому принципиальному моменту выбора из синонимического (квазисинонимического) ряда средств. Речь пойдет о содержащемся в традиционном определении синонимов требовании “принадлежать к одной части речи”.

Прочно укоренившееся в нашей науке и идейно, и организационно “уровневое” представление о языке, предполагающее деление и

самого объекта, и соответствующих специалистов на фонетику, грамматику (словообразование, морфологию, синтаксис) и лексику, перекрываемое уже межуровневыми стилистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, ортологией и др., уже давно уличается во внутренней противоречивости и в пригодности по преимуществу лишь для рецептивной речевой деятельности. В самом деле, для продуктивных речевых действий, т.е. для облечения “мысли в слово”, часть речи — характеристика не релевантная. Ср. хотя бы *X болен* и *болеет*; *X глуп* и *дурак*; *X жалеет, что...* *X-у жаль, что*; *X-у весело* и *X веселится* и мн. и мн. др. Представляется принципиальным рассматривать как синонимические в ряду с лексемами и словообразовательные элементы (*приоткрыть* — “слегка”, *домик* — “маленький”), и словосочетания (*праздник* — *нерабочий день*, *распространять* *небылицы* — *клеветать* — *поливать грязью*), и, конечно же, фразеологизмы (*заморить червячка* — *закусить*, *пороху не выдумает* — *бесталанный*) [11].

Говоря о синонимических словарях как об источнике для продуктивных речевых действий, необходимо подчеркнуть желательность того, чтобы характер различия был констатирован не после предъявления синонима (квазисинонима), но вынесен в часть “что хочет изменить продуцент?”. Например, *утратить* + “бессознательно” = *потерять* + “сознательно” = *выбросить*; *лить* + “случайно” = *пролить*; *недоволен* + “усиление” = *сердится* + “осуждение” = *злится* + “сарказм” = *гневаётся, сучит ногами* и т.п. На практике наиболее распространенными являются предпочтения, связанные с так называемой стилистической окраской, с нейтральным, более или менее негативным/позитивным отношением к предмету речи и/или соответственно нейтральным или более или менее неуважительным/подчеркнуто уважительным отношением к адресату речи. При этом фактор отношения к сообщаемому может совпадать и с фактором отношения к адресату. Например, *еда* — *трапеза* — *жратва*, *спать* — *почивать* — *дряхнуть*, *друг* — *кореш*, *выпить за...* — *поднять тост за...* и т.п.

Утверждая, что для обеспечения продуктивной речевой деятельности предпочтительнее заранее объявить тот параметр (дифференциальный признак), который желательно добавить или устранить, мы не только оказываемся в пределах квазисинонимии, но и сталкиваемся с более сложными проблемами, обусловленными уже самим устройством языковой

системы [12]; [13]; [14]. Речь идет о тех целенаправленных семантических и/или коммуникативных преобразованиях, которые не могут быть точно реализованы, а, будучи реализованными, непременно повлекут за собой и некоторые другие содержательные изменения, что вовсе не входило в замысел производителя речи. Например, *сообщить* + “официально” = *информировать*; *доложить* + “сниженность” = *донести* (? с добавлением “тайно”); *ссорятся* + “официально” = *конфликтуют* + “сниженность” = *ругаются* (? с добавлением “внешние проявления”); *кричать* + “интенсивность” = *раскричаться* (? с добавлением “начала действия”) = (? *разорваться* с добавлением “начала действия”, “интенсивности” и “сниженности”) = *сильно (громко) кричать* = *выходить из себя* (? утрачена “звуковая составляющая”) и т.п. Очевидно, что возможность семантической модификации с помощью дополнительной лексической единицы весьма помогает в преодолении обсуждаемой трудности при том, конечно, условии, если рассматривать в одном квазисинонимическом ряду и слова, и словосочетания, и фразеологизмы [15].

Речь, разумеется, не идет об умалении роли толкования как части словарной статьи, созданной автором словаря, но об удобстве пользователя. При этом удобство понимается как максимальное приближение к образу действия пользователя. Разумный продуцент текста (практически письменного) не стремится просто перебирать максимальное количество равноуровневых по форме обозначений в поисках наилучшего. Продуцент разумный действует иначе, он подвергает проверке на адекватность собственному замыслу, видимо, первое, что пришло ему на память. После этого он либо удовлетворяется и заканчивает работу, либо определяет те параметры, которые его не удовлетворяют, и стремится (уже с помощью словаря?) осуществить целенаправленный поиск, а не просто перебор возможностей.

3. Сочетаемость как проблема продукции.

Другая принципиальная трудность, выступающая именно при продуктивных речевых действиях, — это сочетаемость языковых единиц. Как известно, среди разных типов синонимических отношений принято выделять и такие, когда значения слов полностью совпадают, а их сочетаемостные возможности различаются. Об этом писал еще В.В. Виноградов, рассматривая, например, отношения между *потупить* (только *голову, глаза, взор, взгляд*)

и *опустить* [16]. Позднее, рассматривая связь между семантическими группами глаголов и их синтагматическими характеристиками, Ю.Д. Апресян показал, что такая зависимость вовсе не является строго детерминированной ни в одну, ни в другую сторону (сочетаемость не всегда определяет семантику, а семантика не всегда определяет сочетаемость). Например, *молить* (кого о чем), *выпрашивать* (у кого что), *просить* (кого о чем и у кого что) [17]; [25].

Однако, несмотря на некоторые успехи в определении сочетаемостных свойств слов русского языка, остается не осознанной многими исследователями простая мысль о том, что реально проблема сочетаемости не стоит перед реципиентом. Практически всегда слова в написанном тексте соединены “правильно”, а в разговорной речи, если и “неправильно”, то это отражает лишь личные трудности и несовершенство говорящего и обычно не представляет реальной проблемы для понимания слушающего. Совсем другое дело — говорящий и/или пишущий, что каждый выступавший когда-либо в такой роли хорошо знает по собственному опыту. “Правильное” соединение слов — вторая после выбора из квазисинонимического ряда трудность, которая стоит именно перед производителем (а не перед получателем!) речевого сообщения.

4. Антонимия как источник для продукции.

Обращу внимание на специфическое положение этого типа отношений между языковыми знаками среди других типов отношений, омонимии и синонимии [18]. Как известно, последние определяют отношение между знаком и действительностью; форма одного знака скрывает не один, а несколько феноменов действительности (омонимия, многозначность), и один и тот же феномен действительности может быть обозначен более или менее точно несколькими разными по форме знаками (синонимия). Антонимия апеллирует не к сущности знака (форма знака → ← действительность), но исключительно к отношениям между феноменами действительности, никак не влияющими на форму соответствующих языковых знаков (кроме отрицания *не* и приставки (предлога) *без*!!!).

Именно последнее обстоятельство и позволяет рассматривать антонимию как важный ресурс расширения квазисинонимического ряда. Например, антонимия *богатый* — *бедный* легко преобразуется в квазисинонимию *богатый* — *небедный* (именно так предпочитают

характеризовать собственное положение многие наши очень богатые соотечественники). На самом же деле *небедный* не только исключает крайне низкое положение на шкале, но и включает в себя среднее положение на этой шкале, тогда как *богатый* обозначает только верхнее положение на шкале. Иными словами, речь идет не о совпадении значений, но о близких значениях. Этим приемом любил пользоваться В.В. Виноградов: *Вел себя не-возвышенно* (вместо *низко, подло, гнусно*) или *Будущее незаманчиво* (вместо *печально, грустно, опасно, тревожно*).

Для рецептивных речевых действий антонимия едва ли представляет специальный интерес, поскольку фиксирует внимание на отношениях **противоположности** между феноменами действительности безотносительно к форме обозначения этих отношений в языковых знаках. Если последовательно идти по пути установления различных типов отношений между обозначаемыми феноменами действительности, то едва ли можно ограничиться только противоположностью. Характер отношений между обозначенными феноменами действительности всегда представляет предмет рецептивной речевой деятельности. И выделение среди этих разнообразных отношений (живой/неживой, конкретный/абстрактный, позитивный/негативный, большой/малый, постоянный/временный и т.д. и т.п.) именно отношений противоположных выступает как весьма частная задача, простая и очевидная, и едва ли заслуживающая специального внимания среди других подобных отношений в процессе рецептивных речевых действий. Осмысление пушкинских строк *“...волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой”* едва ли требует теоретических размышлений о сущности представлений о противоположности, а строки А.Т. Твардовского *“...спит хоть голоден, хоть сыт, хоть один, хоть в куче, спать за прежний недосып, спать в запас научен”* показывают, что отношения противоположности могут быть отражены в знаках различной формы, а не только словами одной и той же части речи (см. выше).

II

1. Гиперонимы и гипонимы как проблема рецепции и продукции.

Осмысление того известного обстоятельства, что за равными по количеству составляющих элементов знаками может стоять разный по количеству сем комплекс, не принадлежит

к числу любимых лингвистических тем. Однако вопрос о степени обобщенности (или детализации) описания “положения дел” принадлежит к числу фундаментальных проблем коммуникации [19]; [20]. В самом деле, *животное – зверь – волк*, или *растение – дерево – береза*, или *работать – строить – пилить*, различаясь не очень значительно по форме, обозначают в своей основе одно и то же, однако с различной степенью детализации. Именно “детализация” vs “обобщенность” исключительно важны для реципиента, обычно понимающего, что “дьявол сидит в деталях”. Например, *Шел в комнату – попал в другую. Попал или хотел попасть?* Иными словами, для реципиента остается неясным, совершалось ли действие “случайно” или “намеренно”, а эта информация в сообщении как раз и отсутствует. Или *“Что Вы называете, Антон Антоныч, грешками? Вот если у кого шуба стоит пятьсот рублей да супруге шаль...”*.

Реципиент по самому своему определению должен быть внимательным и, уважая продуцента, не может, однако, пренебрегать принципом “доверяй, но проверяй”, а следовательно, должен воспринимать то и только то, что явно выражено (см. выше о многозначности), что однозначно вытекает из знания о ситуации, описываемой в сообщении и представленной в конкретном коммуникативном акте. При этом серьезная угроза для эффективности коммуникации может возникать, когда производитель речи и ее реципиент по-разному конкретизируют обобщенное именование (*учащийся – школьник? студент? аспирант?, неженатый – холостяк? разведенный? вдовец?*), что нередко приводит к жалобам типа “Меня не так поняли”. Реципиенту не положено ничего домысливать, приписывая создателю соответствующего текста то, чего в этом тексте нет. Однако реципиенту следует задуматься над тем, почему те или иные феномены действительности обозначены слишком обобщенно, оставляя широкую зону неопределенности в их интерпретации. Полезно также не пропустить мимо и такие случаи, когда детальность описания каких-либо феноменов действительности представляется избыточной, и попытаться объяснить причину этой избыточности (желание переключить внимание реципиента, сознательный отход в другое избранное направление, индивидуальные особенности производителя речи, что-то другое).

С другой стороны, так же, как и в случае с синонимикой, гипо-гиперонимические отношения между значениями слов (см. выше об антонимии) позволяют производителю речи, имея в виду собственные разнообразные интересы, что-то уточнять, а что-то представлять в весьма обобщенном виде. При этом детализация, осуществляемая реципиентом, может реализоваться не только за счет гиперо-гипонимических отношений между отдельными словами, но и за счет эксплицитной дополнительной информации. Например, *строение — дом — замок — барак и дом, построенный в английском (средневековом) стиле или одноэтажный покосившийся дом с разбитыми окнами* и т.п.

2. Грамматические характеристики как проблема для рецепции и продукции.

При рецепции грамматические характеристики не всегда требуют “перевода” в характеристики семантические, они могут просто игнорироваться, оставаясь лишь в качестве средства связи словоформ в тексте. (Отсюда ложное утверждение будто бы окончания, т.е. формальные проявления грамматики в русском языке служат исключительно для связи слов в словосочетании и предложении.) А вот при продукции ни одно из проявлений, относимых к грамматике, не может игнорироваться. В одних случаях грамматика выражает семантические характеристики, обычно требующие обязательного выражения (например, для числа “предметов” или времени действий/состояний). В других же случаях именно грамматические показатели обеспечивают “правильность” создаваемого речевого произведения. В первом случае небрежение грамматикой может приводить к искажению замысла производителя (*стол* или *столы*, *читают* или *читали*). Во втором — затруднять действия реципиента, отвлекающегося на фиксацию форм, необычных для него в данном окружении (**хорошая дом*, **дети читал*). Рассмотрим грамматические характеристики слов русского языка подробнее не ради самих этих характеристик, но для определения ценности этих характеристик для рецептивных и продуктивных речевых действий.

Род существительных обычно не представляет никакой ценности при рецепции, кроме, может быть, некоторых художественных текстов [16], зато для продукции это очень важная нормативная характеристика, определяющая формы связанных с существительными прилагательных и причастий, а также личных

глагольных форм с окончанием *-л-*. Реципиент должен обращать внимание на формы согласуемых по роду слов лишь в двух случаях. Тогда, когда они согласуются с существительными общего рода (*зануда*, *неряха*, *соня* и т.п.), где мужской и женский род значат в этом случае и соответствующий “пол”. С существительными — “кандидатами в общий род” (*директор*, *секретарь*, *инженер* и т.п.) женский род согласуемых и связанных слов обозначает женщин, а мужской — ничего не сообщает о поле. При продукции, оперируя со словами двух указанных выше типов, следует использовать формы согласуемых и связанных слов как возможность для обозначения пола: *Ужасный зануда сказал* (мужской пол), *наша соня проснулась* (женский пол), *наша декан сказала* (женский пол) — *наш декан сказал* (пол не назван).

Глубоко укорененное в общественном сознании неразличение грамматического рода и биологического пола объясняется, видимо, тем, что род имен обычно выступает на одном из первых мест при любом описании любого языка. Хотя семантическая ценность этой характеристики крайне скромна, а ее вклад в обозначение пола весьма ограничен.

Число существительных совершенно необходимо определять при рецепции ради понимания количества обозначенных “предметов”. Некоторые исключения их обычного соотношения “грамматическое число” — “реальное количество” достаточно полно описаны [21]. В процессе продукции грамматические средства (разные в зависимости от типа склонения существительных) используются для обозначения количества за исключением несклоняемых существительных (там может использоваться тот же механизм согласованных слов, что и для обозначения пола). Для слов типа *сани* с формами только множественного числа и обозначающих считаемые предметы количество обозначается с помощью показателей *одни — двое — несколько — много* и т.п. Для слов, обозначающих несчитаемые предметы, вопрос об обозначении количества возникает лишь при лексическом обозначении их меры: *стакан — стаканы сметаны (сливок)*, *тарелка — тарелки щей (борща)*. Заслуживает внимания и возможность одновременного выражения количественной характеристики и лексическими, и грамматическими средствами (*все книги, несколько журналов — одна книга, один журнал*).

Падеж существительных при рецепции должен быть непременно семантизирован, причем

в качестве семантизируемой единицы может выступать и только форма существительного, и такая форма с предлогом (ср. *изучать проблему — знакомиться с проблемой*), где в обоих случаях представлен объект действия. (Ср., например, *приехать с Машей*, где представлено самодовлеющее значение предлога с “совместно”). Разумеется, что после предлогов *к, из, от, до* и других, способных соединяться с единственной падежной формой, сама семантическая ценность падежной формы обращается в нуль (ср. выше о роде существительных).

Как несостоятельно при рецепции ограничиваться лишь определением падежной принадлежности, не доводя дело до семантического содержания, так же бессмысленно при продукции ставить задачу употребить форму того или другого падежа. Добавлю, что именно определенный падеж (предложно-падежная форма) обладает обычно монополией на выражение субъектно-объектных отношений, а также в некоторых случаях и обстоятельственных характеристик [22]. Ср. *Посредством глаза, а не глазом смотреть на мир умеет разум*.

Время глаголов как грамматическую характеристику при рецепции определить легко, кроме, может быть, того случая, когда форма настоящего времени глаголов совершенного вида обозначает будущее время. Однако семантизация времени как грамматической характеристики связана с определенными трудностями, предопределенными появлением модификационных значений (например, так наз. перфектного у некоторых глаголов совершенного вида), так и с кардинальным изменением временной характеристики под влиянием либо ситуации общения (например, вневременное значение пословиц независимо от грамматического времени выступающих в их составе глаголов), либо других временных показателей в составе предложения (*завтра, три года назад, на прошлой неделе, в XX веке* и т.п.). Замечу, что лексические показатели времени, вступая в противоречие с грамматическими, обычно побеждают их (*Иду я вчера. Дело было в 1812 году, приезжает Кутузов...*). В современной русистике накоплен и классифицирован обширный материал по этому вопросу, однако сам внутренний механизм взаимодействия лексических и грамматических средств со значением временной отнесенности пока не раскрыт. То же самое можно утверждать и о различных возможностях

выражения разной временной отнесенности в процессе продукции.

Вид глаголов при рецепции целесообразно определять лишь для того, чтобы различить настоящее грамматическое время у глаголов несовершенного вида и будущее грамматическое у глаголов совершенного, а также уяснить возможность двоякого понимания времени у двувидовых глаголов. Семантическое содержание, предопределяемое принадлежностью глагола к определенному виду, можно представить лишь с такой степенью абстракции, которая заведомо находится на более обобщенном уровне, чем любые внятные характеристики действия, которыми мы оперируем в других случаях. Однако можно утверждать, что за совершенным видом обычно стоит либо результативность, либо однократность действия, либо возможность и одного, и другого понимания (*построил — поцеловал — решил*). Несовершенный вид не может выражать ни одной из этих характеристик, в то же время любые другие характеристики действия могут выступать в глаголах обоих видов. Так что видовая принадлежность очень скупо информирует реципиента о модификационных свойствах глагола, каковые целесообразно извлекать из лексического значения глагола, а не из его видовой принадлежности. Зато для продуктивных речевых действий знание видовой принадлежности глагола очень важно. Принадлежность к несовершенному виду сообщает, что у глагола есть все три времени, а к совершенному — о том, что настоящего времени нет. Кроме того, совершенный вид предопределяет существенные ограничения на лексическую сочетаемость глагола, которых нет у глаголов совершенного вида. Таким образом, сведения о видовой принадлежности дают производителю речи ценные сведения о том, как следует использовать глагол совершенного вида, не нарушая при этом речевую правильность [23].

* * *

Очевидно, что лингвистика, возникшая как наука о чтении древних текстов, формировала свой аппарат в значительной степени с опорой на обеспечение рецептивных речевых действий. “Создание новых объектов” на базе этих представлений относилось по преимуществу к историческим реконструкциям. Развитие синхронического взгляда на язык, а также укрепление понимания знаковой сущности языка привели к успехам в классификации языковых явлений,

преимущественно на формальных основаниях, и к укреплению базы для обеспечения рецептивных речевых действий. В то же время вопросы обеспечения продуктивных речевых действий ограничивались только требованиями нормы (орфографической, произносительной, стилистической и т.п.). Базовые вопросы “преобразования” идей в форму, а именно идеографический подход к языковым явлениям, никогда не становились одним из магистральных направлений науки о русском языке. Такому положению дел в немалой степени способствовало и достигшее своего расцвета к середине прошлого века “уровневое” рассмотрение языковых фактов и явлений, когда появились морфемные (словообразовательные) фразеологические и даже сочетаемостные словари. В то же время, общественная практика, стимулируемая и научно-техническими достижениями в виде современной информационной техники, требует продвижения в области обеспечения продуктивных речевых действий. Актуальной задачей повышения “речевой культуры” говорящих на русском языке является не столько требование формальной правильности и даже не соблюдение “речевого этикета” (эти задачи глубоко осмыслены и в значительной степени решены), но смысловая сторона коммуникации: 1) точное и полное понимание предъявленного реципиенту сообщения и 2) адекватное замыслу продуцента и условиям коммуникации создание собственного сообщения.

В этих условиях создание разного рода идеографических описаний русского языка, разного рода словарей и грамматик, как связанных между собой, так и самодовлеющих, выступает как первейшая задача. Однако эти произведения могут возникнуть лишь на основе уже имеющихся семасиологических описаний, выступая, в частности, как источник для проверки адекватности существующих в этих источниках представлений, а также для сопоставительного изучения языков [24]. Главная же цель таких исследований — обеспечить смысловую адекватность и формальную правильность речевых произведений, создаваемых человеком на русском языке как на родном и как на неродном, а также автоматическим устройством (в частности, при автоматическом переводе на русский язык).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

2. *Воронин Ю.А.* Введение в теорию классификации. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982. 194 с.
3. *Яшин Б.Л.* Математика в контексте философских проблем. М.: Прометей, 2012. 110 с.
4. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
5. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
6. *Успенский Б.А.* Ego loquens. Язык и коммуникативное пространство. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
7. *Милославский И.Г.* О принципиальных различиях между русской грамматикой для рецепции и продукции // Вестник РУДН. Серия “Лингвистика”. Т. 22, № 2, 2018.
8. *Доброхотов А.Л., Борзенков В.Г.* Цель / Гуманитарный портал: концепты [Электронный ресурс]. <https://gtmarket.ru/concepts/7360>
9. *Шмелев Д.Н.* Проблема семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 278 с.
10. *Чагина О.В.* Как сказать иначе: Работа над синтаксической синонимией русского языка в иностранной аудитории. М.: Русский язык, 1980. 176 с.
11. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.
12. *Кузнецов А.М.* Проблемы компонентного анализа в лексике. М.: ИНИОН, 1980. 58 с.
13. *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986. 123 с.
14. *Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975. 240 с.
15. *Мустайоки А.* и др. Функциональный синтаксис русского языка. М.: Юрайт, 2019. 728 с.
16. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
17. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
18. *Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 289 с.
19. *Панов М.В.* О парадигматике и синтагматике // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.
20. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 310 с.
21. Русская грамматика. М.: Наука, 1980.

22. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 452 с.
23. Милославский И.Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1.
24. Ларина Т.В., Озюменко В.И. Лакуны и безэквивалентная лексика как фиксаторы языка и культуры // Вестник РУДН. № 4. 2013.
25. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
26. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Аванта+, 2007. 1135 с.
27. Проспект активного словаря русского языка. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. 150 с.
28. Активный словарь русского языка. Т. 1–3. М.: Языки славянской культуры, 2014– (продолжающееся издание).
9. Shmelev, D.N. *Problema semanticheskogo analiza leksiki* [The Problem of Semantic Analysis of Lexis]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 278 p. (In Russ.)
10. Chagina, O.V. *Kak skazat inache: rabota nad sintaksicheskoy sinonimiej russkogo yazyka v inostrannoj auditorii* [How to Say in Other Way: Work with Syntax Synonymy of the Russian Language for Foreign Students]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1980. 176 p. (In Russ.)
11. *Novyj obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Synonyms Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003. 1488 p. (In Russ.)
12. Kuznetsov, A.M. *Problemy komponentnogo analiza v leksike* [Problems of Component Analysis in Lexis]. Moscow, INION Publ., 1980. 58 p. (In Russ.)
13. Kuznetsov, A.M. *Ot komponentnogo analiza k komponentnomu sintezu* [From Component Analysis to Component Synthesis]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 123 p. (In Russ.)
14. Seliverstova, O.N. *Komponentnyj analiz mnogoznachnykh slov* [Component Analysis of Polysemantic Words]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 240 p. (In Russ.)
15. Mustajoki, A. *Funktsionalnyj sintaksis russkogo yazyka* [Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 728 p. (In Russ.)
16. Vinogradov, V.V. *Russkij yazyk* [The Russian Language]. Moscow, Gos. ucheb.-ped. izd-vo Publ., 1947. 783 p. (In Russ.)
17. Apresyan, Yu.D. *Eksperimentalnoe issledovanie semantiki russkogo glagola* [An Experimental Study of the Russian Verb]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 251 p. (In Russ.)
18. Novikov, L.A. *Antonimiya v russkom yazyke* [Antonymy in the Russian Language]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1973. 289 p. (In Russ.)
19. Panov, M.V. *O paradigmatiche i sintagmatike* [To Paradigmatics and Syntagmatics]. Panov, M.V. *Trudy po obschemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku* [Studies in General Linguistics and the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. 568 p. (In Russ.)
20. Stepanov, Yu.S. *Metody i printsipy sovremennoj lingvistiki* [Methods and Principles of Contemporary Linguistics]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 310 p. (In Russ.)
21. *Russkaya grammatika* [The Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
22. Kurilovich, E. *Oчерки по лингвистике* [Linguistics Essays]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoj literatury Publ., 1962. 452 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Popper, K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and Development of Scientific Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1983. 605 p. (In Russ.)
2. Voronin, Yu.A. *Vvedenie v teoriyu klassifikatsii* [Introduction in Classification Theory]. Novosibirsk, VTS SO AN SSSR Publ., 1982. 194 p. (In Russ.)
3. Yashin, B.L. *Matematika v kontekste filosofskikh problem* [Mathematics in the Context of Philosophic Issues]. Moscow, Prometej Publ., 2012. 110 p. (In Russ.)
4. Scherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 427 p. (In Russ.)
5. Leontev, A.A. *Yazyk, rech, rechevaya deyatel'nost* [Language, Speech, Speech Activity]. Moscow, Prosvetshenie Publ., 1969. 214 p. (In Russ.)
6. Uspenskij, B.A. *Ego loquens. Yazyk i kommunikativnoe prostranstvo* [Ego Loquens. Language and Communicative Space]. Moscow, RGGU Publ., 2007. 320 p. (In Russ.)
7. Miloslavskij, I.G. *O printsipialnykh razlichiyakh mezhdu russkoj grammatikoj dlya retseptsii i produktsii* [To the Principal Differences between Reception and Production Concerning the Russian Grammar]. *Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika"* [RUDN Bulletin. "Linguistics" Series]. Vol. 22, No. 2, 2018. (In Russ.)
8. Dobrokhotov, A.L., Borzenkov, V.G. *Tsel. Gumanitarnyj portal: kontsepty* [Goal. Humanities Website: Concepts]. <https://gtmarket.ru/concepts/7360> (In Russ.)

23. Miloslavskij, I.G. *Vidovaya prinadlezhnost russkogo glagola v obespechenii retseptivnoj i produktivnoj rechevoj deyatel'nosti* [Aspectual Affiliation of the Russian Verb Supporting Receptive and Productive Speech Activity]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2015. Vol. 74. No. 1. (In Russ.)
24. Larina, T.V., Ozyumenko, V.I. *Lakuny i bezekvivalentnaya leksika kak fiksatory yazyka i kultury* [Gaps and Equivalentless Lexicon as Retainers of Language and Culture]. *Vestnik RUDN* [RUDN Bulletin]. No. 4. 2013. (In Russ.)
25. Apresyan, Yu.D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika* [Selective Works. Vol. 1. Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 1995. 472 p. (In Russ.)
26. *Slovar-tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki* [Thesaurus Dictionary of the Contemporary Russian Idiomatic]. Moscow, Avanta+ Publ., 2007. 1135 p. (In Russ.)
27. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospect of the Active Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN Publ., 2010. 150 p. (In Russ.)
28. *Aktivnyj slovar russkogo yazyka. T. 1–3* [The Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 1–3]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2014–(Ongoing Publication). (In Russ.)